

К. Бальмонт

Романтики

Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. / Сост., вступ. ст. и коммент. Д. Г. Макогоненко
М., "Правда", 1990

Есть в каждом языке четкие слова, имеющие свойство магической формулы. Сказав такое слово, сразу даешь образ, ряд образов, исчерпывающих и выразительных, и, однако, это слово применяется нередко совершенно произвольно. Таково испанское выражение "sin segundo", "без второго", то есть человек единственный и несравненный, первый и один, такого второго быть не может. Это слово часто встречается у Кальдерона и Тирсо де Молина, в той старой Испании, которая любила достижение, в той Испании, владения которой были так обширны, что солнце в них никогда не заходило. Таково итальянское слово "virtù", "добродетель", добротность, достоинство, сила, в применении к художнику или художественному произведению. Сказав это слово, сразу вызываешь Сибилл Микель Анджело или Джоконду Леонардо да Винчи. Таково французское выражение "homme supérieur", "высший человек", человек особенный, отдельный, вне разряда обыкновенных людей. Это слово вошло в моду во второй половине 18-го века, в дни Руссо. Таково немецкое слово "Übermensch", "сверхчеловек", обычно связываемое с Ницше, но употреблявшееся еще раньше романтиками и Гёте, и я думаю, раньше, чем романтиками и Гёте, его, например, вполне можно было бы применить к крестьянину-мистику 16-го века, Якобу Бёме: этот сапожник-философ видел бога в лицо, как позднее его видел английский гравер, художник и поэт -- Вильям Блейк.

К разряду таких слов-формул, сразу вызывающих тот или иной образ или целый ряд образов, сразу и чрезвычайно четких, и совершенно неопределенных, произвольных, относится и слово *романтик*, *романтизм*. Романтик Фридрих Шлегель и романтик лорд Байрон. Но как мало между ними сходства. С другой стороны, что романтичнее фигуры Прометея, похищающего огонь с неба и соединяющего небо и землю огненной перевязью? Почему бы нам, опираясь на это, не считать Эсхила одним из наиболее крупных романтиков?

Формула сразу точная и вовсе неопределенная. Если обратиться к рассмотрению самого слова, мы видим, что впервые оно стало употребляться в половине 17-го столетия в Англии. Самое раннее известное его употребление мы находим в 1654-м году: художник Эвелин называет место у подножья горы романтическим. Из Англии это слово перешло в 18-м веке во Францию и в Германию, еще не став боевым лозунгом. Сначала романтический лишь означало живописный, таинственный, сказочный, похожий на вымысел. Немцы, всегда завладевающие чужими изобретениями, чтобы довести их до

законченности и закрепить за ними свое имя, овладели и этим словом--романтический, чтобы создать школу, теорию, целый устав романтизма. Но это создалось лишь мало-помалу. Еще в 1798-м году Фридрих Шлегель, один из основателей романтической школы в Германии, понимал это слово так общо, что писал: "Романтично все превосходнейшее, все действительно поэтическое в современной поэзии". Это такой ключ, которым можно отпирать любую дверь. Но тогда рассуждение теряет под собой почву и делается совершенно зыбким.

Чтобы сколько-нибудь закрепить эту зыбь и разъяснить данное понятие, нужно взять хоть несколько признаков, которые общи романтикам при всем их личном разнообразии. Любовь к далекому, что связано с мечтой и достижением,-- вот, быть может, первый из этих признаков. Романтик, воплощая в себе жажду жизни, жажду разносторонности, являясь четкой вольной личностью, всегда стремится от предела к Запредельному и Беспредельному. От данной черты к многим линиям Нового.

Воспринимая Землю как самоцельную планету, которую нужно целиком понять и завоевать своим прикосновением, романтики являются тем бродилом, которое, разрушая старое, создает новое. Их родина никогда им недостаточна. Их родина -- не их родина, а бег души к вечной родине мыслящих и красиво творящих. Это выражается в романтиках и внешне. Любя Землю, как планету не в частичном минутном ее лике, а в звездно-небесном ее предназначении, они жадно устремляются к новым, еще не познанным ее частям, к иным странам, к чужим краям. "На Востоке должны мы искать высочайшей Романтики,-- говорят Шлегели.-- Какой источник поэзии мог бы раскрыться нам в Индии". И они делаются первыми изучателями Индии, погружаются в санскритский, в персидский язык. Величайшие поэты иных стран и иных времен, стоящие на черте эпохи Возрождения и эпохи Мировых Открытий, Данте, Сервантес, Кальдерон, Шекспир делаются священными певцами романтиков. Желая найти самого себя, выработать безупречно свое художественное "я", Гёте бросает пасмурную Германию и уезжает жить в золотисто-лазурную Италию, как уезжают в Италию, чтобы подышать воздухом бессмертия, и француз Ламартин, и датчанин Эленшлегер. Байрон и Шелли, менее всего чувствуя себя дома в родной-неродной Англии, покидают ее навсегда, их родиной становится горный лабиринт Швейцарии, голубая Италия, героическая Эллада. И в последней своей поэме, "Остров", Байрон уносится в предельную даль, в Океанию, к островам Таити, Тонга и Фиджи, куда позднее в действительности уедут окончить свою жизнь романтики наших дней, Стивенсон и Гоген. А Шелли, все более и более погружаясь в умозрительные дали, делается к концу жизни настолько духовным, что его истинным отечеством становится Воздух и Океан. "Эрнани", драма Виктора Гюго, совершившая поэтический переворот во Франции, рисует испанца, и царственными влияниями рыцарской Испании насыщено все пышное творчество Гюго. Жерар де Нерваль уезжает в Египет и Сирию. Шатобриан поэтической мыслью уносится к американским индейцам, к течению многоводного Миссисипи. Ксавье де Мэстр живет в России и в

диких местах Кавказа. Певцами Кавказа становятся два трагически-прекрасные наши поэта, Пушкин и Лермонтов. Испанец Эспронседа скитается между Лондоном и Парижем. Мицкевич из Польши и Франции уезжает в Турцию. Словацкий живет в Бретани, в Англии, уезжает на Восток, грезит Древним Египтом и создает в отрывке "Гелион-Эолион" поразительную поэму перевоплощения. Гофман и Эдгар По, уже уходящие из романтизма в символизм наших дней, избирают духовной своей родиной художественную жуть, и никто никогда не узнал, где именно был Эдгар По, когда несколько лет он пропадал без вести.

Каждый романтик и в грезе и в жизни мог бы применить к себе зачарованный стих Лермонтова: "Тучки небесные, вечные странники" -- или чеканное слово Байрона: "Пилигримы вечности". Каждый истинный романтик должен быть путником, ибо только в путях и странствиях завоевываешь мир и себя, отталкиваешься от обычной черты, чтобы вступить в свежую тайну, в воздухе которой раскрываются новые цветы и поют и кличут необычные птицы, с иной окраской перьев, с иным размахом крыльев.

И тем, что мечта всегда уводит романтиков в новые страны, они делаются такими, что поэтический и жизненный лик их уводит людей к новым достижениям.

Пути людей суть строки в Летописи мира, и красиво говорит об этом Новалис в своей философской сказке "Ученики в Саисе": "Многообразными путями идут люди. Кто следит за ними и сравнивает, тот увидит, как возникают волшебные фигуры: фигуры, как бы принадлежащие к той великой тайнописи, которую увидишь всюду, на крыльях, на яичных скорлупах, в облаках, на снегу, в кристаллах и в каменных образованиях, в замерзших водах, в недрах и в наружном лике гор, в растениях, в зверях, в людях, в светильниках неба, на пластинках смолы и стекла, когда к ним притронешься, в железных опилках вокруг магнита, в особенных сочетаниях случая. В них предчувствуется ключ этого волшебного письма, его язык, но предчувствие это не хочет уложиться ни в какие прочные формы. Это писание -- аккорд из всемирной симфонии". Новалис продолжает: "О, если бы человек понял внутреннюю музыку природы и имел чувство для внешней гармонии. Но он едва знает, что мы вместе надлежим одному, и ничто не может существовать без другого... Настоящий разгадчик тайнописи природы, быть может, придет к тому, что заставит различные силы природы создать одновременно красивые и полезные явления, он будет фантазировать на природе, как на великом инструменте, и все же он еще не поймет природу. Это задача естествоиспытателя, чтеца времен... Чтобы понять природу, нужно внутренне заставить ее возникнуть во всей ее последовательности". Эти слова Новалиса являются настоящим предвозвещением Уоллеса и Дарвина, и их мог бы также сказать тот великий поэт, который был одним из самых ранних романтиков, создав "Вертера" и "Гёца", и в позднейшей своей жизни стал одним из первооткрывателей эволюционного учения, -- Гёте, тот гений, о ком наш Баратынский сказал:

С Природой одною он жизнью дышал,
Ручья разумел лепетанье.

Говоря о познании природы, о точном усмотрении тайного ее лика, Новалис полагает, что эту задачу наилучше может выполнить лишь поэт, понимаемый им как провидец, как жрец, как человек совершенный. "Истинный поэт всезнающ,-- говорит он,-- он есть действительный мир в малом... Поэт понимает природу лучше, чем научная голова... Поэзия разрешает чуждое существование в собственном... Природа имеет инстинкт искусства, поэтому пустая болтовня, когда желают различать природу и искусство... Поэтов обвиняют в преувеличениях... а мне кажется, что поэты далеко еще недостаточно преувеличивают, они лишь смутно предчувствуют чару того языка (тайноведения) и играют фантазией лишь так, как ребенок играет волшебным жезлом своего отца... Философия есть, собственно, тоска по отчизне, напряженное желание везде быть дома... Поэтический философ находится в состоянии абсолютного творца... Поэзия есть истинно-абсолютная реальность. Чем поэтичнее, тем вернее..."

Совершенный человек в совершенной природе -- вот завет Новалиса. "Делаться человеком есть искусство,-- говорит он.-- Законченный человек должен как бы одновременно быть во многих местах и жить во многих людях... Человечество есть высшее чувство нашей планеты, нерв, которым это звено связано с верховным миром, глаз, который оно вздымает к небу... Мы сразу в природе и вне ее... Мы с невидимым связаны ближе, чем с видимым... Дети бога, мы божеские ростки... Человек должен быть совершенным полноценным самоорудием... Мир, во всяком случае, есть следствие взаимодействия между мною и божеством. Все, что есть и происходит, происходит из соприкосновения духов... Смерть есть романтизирующая основа жизни. Через смерть жизнь усилена... Смерть есть самопобеда, которая, как всякое самопревозможение, доставляет новое, более легкое существование... Бея наша жизнь -- богослужение... У нас одно предназначение: мы призваны создать, образовать Землю... Человек есть некое солнце, его чувства -- его планеты..."

Еще два изречения из Новалиса, и будет совершенно закончен звездный мост от этого германского красивого певца вселенской любви к его английскому брату, поэту всеобожествления природы, Шелли. "Бог есть любовь,-- говорит Новалис.-- Любовь есть высшая реальность, первопричина... Любовь есть конечная цель мировой истории, аминь вселенной".

Любовь есть основное начало Мировой Жизни в восприятии Шелли. Любовью проникнуто все его воздушное творчество, любовь светит векам из его гениально-безумных голубых глаз. "Что такое любовь? -- восклицает он.-- Спроси того, кто живет, что такое жизнь? Спроси того, кто полон, веры, что такое бог? Это -- священное звено, связующее человека не только с человеком, но и со всем, что есть в мире... Есть красноречие в ропоте ветра, лишенного голоса, есть мелодия в журчании ручья и в шелесте

осоки; непостижимым образом сочетаясь с какими-то движениями нашей души, эта музыка природы возбуждает в нас безумный восторг, извлекает из глаз наших слезы мистической нежности в не меньшей мере, чем благородный энтузиазм забот о родном крае или голос любимого существа, чье пение звучит лишь для нас одних" ("О любви"). Так говорит о любви и ветре Шелли. А так говорит о том же Новалис: "Ветер есть движение воздуха, которое может обуславливаться различными внешними причинами, но не больше ли он, чем это для одинокого, томленьем объятого сердца, когда шелестит он, пролетая мимо, веет из возлюбленных стран и тысячью смутных печальных звуков как бы разрешает тихую скорбь в одном глубоком напевном вздохе целой природы?"

Струнные слова Шелли:

Любовь не прах, не золото, не глина,
Делить ее не значит отнимать,--
Она как ум: кто хочет понимать,
Пред тем весь мир знакомая картина...
Она как свет фантазии живой,
Меж тысячью зеркал она блуждает,
В земле глубокой, в тверди голубой,
Сквозь бездну призм изменчиво блистает,
Безбрежный мир исполнен ей везде,
О ней во тьме звезда поет звезде...
Любовь равняет всех. Любя упорно,
Я в сладость этой истины проник,--
Я знаю, что червяк под глыбой дерна,
Любя, в своей любви, как бог, велик.

Звуки золотого колокола, качающегося в голубой вечности, строки, обрызганные звездной росой любви, магнетизм лунного света, уводящего душу в тайну, серебряные бубенчики мечты, рассыпавшиеся по весенним лугам, жаворонок, притянутый солнцем, в полете поющий и в пении летящий, облако, которое меняется, но не умирает никогда, необъятный оркестр океана, в котором хорошо утонуть, слиянье воедино вселенской любовности, поэзии и музыкальности, голубой цветок, ведущий в непознанные дали, к торжеству пения, музыкальное начало всего совершающегося, звук как основа мира, звук как основа человеческой души, через любовь познавшей все,-- это и много еще другого есть в глубоких созерцаниях и в мелодических напевах Шелли и Новалиса. Отсюда, дорогой лучей и тропинками внушений, разбег путей к лунному безумию музыки Шумана, к напевному шелесту колосьев и волн в созданных Шопена, к слиянию поэзии, музыки, любви, боли и искупления в могучих и нежных разливах музыкальных огней колдующего Вагнера.

Угадав миротворческое значение ритма, мы у тайны мира. В музыкальную основу души смотрится вечность.

Новалис и Шелли -- два верховные гения романтики, оба сливающие красоту личности с красотой и полнозвучностью творчества, оба за краткую двадцатидевятилетнюю жизнь создавшие как бы поэтический труд нескольких жизней, где-то в других воплощениях, ими уже пережитых. И если о Шелли его друзья говорили: "Это не человек, а дух", о Новалисе сказал свое слово Гёте: "Он еще не был императором, но живи он дольше, он им был бы".

Новалис и Шелли -- два звездные стража романтического мирозерцания, и кто видел Казбек и Монблан, тот видел не только две сияющие горные вершины, но две цельные горные цепи, со всеми их пропастями, тропинками, горными долинами, крутыми отрогами и другими, отъединенными, равноправно прекрасными, горными вершинами. Быть может, не нужно видеть их все. Довольно двух, довольно одной.

Необходимо только добавить, что в очарованном царстве Романтики логической неизбежностью является чрезвычайная любовь романтических поэтов к четырем лицам. Прометей, Фауст, Дон-Жуан, Дон-Кихот.-- четыре образа, притягивавшие к себе сердце романтиков, и особенно три из названных первыми, вызвали бесконечное число поэтических разработок. Прометей -- порванная преграда между небом и землей, Фауст -- жажда беспредельного знания, Дон-Жуан -- жажда беспреградной любви, Дон-Кихот -- рыцарь мечты в бесконечном стремлении.

В человеческой душе два начала: чувство меры и чувство внемерного, чувство безмерного. Древняя Эллада -- это чувство меры. Пафос романтики и творческий огонь нашей современности -- это чувство внемерного, беспредельного. Мы хотим пересоздания всей Земли, и мы ее пересоздадим, так что все на Земле будут красивы, и сильны, и счастливы. Это вполне возможно, ибо Человек есть Солнце и его чувства -- его планеты.

ПРИМЕЧАНИЯ

Романтики.-- *Якоб Бёме* (1575--1624) -- немецкий философ-пантеист. *А. Эвелин* (1620--1706) -- английский художник, автор сочинений "A parallel of the Arment Arcitecture with the Modem" (1664), "Sculpture" (1662). "*Романтично все превосходнейшее...*" -- Из статьи Ф. Шлегеля "Письмо о романах" (Литературная теория немецкого романтизма. Л., 1934. С. 207). *Альфонс Ламартин* (1790--1869) -- французский писатель-романтик. *Адам Эленшлегер* (1779--1850) -- датский писатель-романтик. *Жерар де Нерваль* (1808--1855) -- французский писатель-романтик. *Франсуа Рене Шатобриан* (1768--1848) -- французский писатель-романтик. Имеется в виду его роман "Les Nachez" (1826). *Ксавье де Мэстр* (1763--1852) -- французский писатель, долгое время жил и умер в России, автор романтической повести "Пленники Кавказа" (1815). *Хосе Эспронседа* (1808--1842) -- испанский писатель-

романтик. *Юлиуш Словацкий* (1809--1849)-- польский поэт-романтик. *"Пилигримы вечности"* -- выражение Шелли ("Adonais", XXX). *Новалис* (1772--1801) -- немецкий поэт, прозаик, теоретик романтизма. *Альфред Рассел Уоллес* (1823--1913) -- английский натуралист, один из создателей теории естественного отбора. *...великий поэт... стал одним из первооткрывателей эволюционного учения...* -- Имеются в виду работы Гете "Опыт о метаморфозе растений" (1790), "Вопросы морфологии" (1820) и др. *"С Природой одною он жизнью дышал..."* -- Из стихотворения Е. А. Баратынского "На смерть Гете". "Что такое любовь?.." и т. д.-- См. Шелли. Письма. Статьи. Фрагменты. М., 1972. С. 348--349. *"Любовь не прах, не золото, не глина..."* -- из мистерии Шелли "Эпипсихидион".